

В нашей литературной гостиной новый гость. Он специально для журнала «Приокские зори», ответил на вопросы, которые ему задал член Союза журналистов России Николай Тимохин.

Это молдавский советский композитор, педагог, общественный деятель, автор музыки в общей сложности более чем к двум ста фильмам, автор произведения, которое называют самым известным в мире романтическим киноальбомом из мелодрамы «Мой ласковый и нежный зверь», народный артист СССР — Евгений Дмитриевич Дога.

Николай Тимохин:

Евгений Дмитриевич! Можно смело утверждать, что Вы человек-легенда. Какие у Вас остались самые яркие воспоминания о Вашем детстве, о родителях?

Евгений Дмитриевич Дога:

Это, скорее всего, осознание того, что я не знал, что был ребенком. Я знал, что я маленький и должен слушаться старших. Родителей в первую очередь. А остальные если даже старше чуть-чуть, тоже имели право, и маленькие должны их слушаться, делать замечания, а то и наказывать шлепком за непослушание. Мне шлепки не пришлось принимать, так как четко знал, что виноват буду я и, таким образом, не нарушал порядок. А родители меня очень любили. Думаю, это не новость. Тем более, что я у них был первым долгожданным ребенком.

Они поженились в самый разгар жесточайшего голода в начале тридцатых годов прошлого столетия, когда вряд ли кто-то думал еще и о детях, когда люди умирали, как мухи. К тому же еще пошла коллективизация и сопутствующие ей репрессии, которые коснулись и семьи моей будущей мамы. Особенно гордился мной отец. Он был бригадиром в колхозе и ездил в поле на вороном коне. Иногда приезжал в обед домой и старался посадить меня впереди себя на коня и немного прокатать, что доставляло не столько радости мне, так как я боялся малость, сколько отцу, который хвастался своим мальчиком перед встречными. Даже когда я пошел в школу, он меня подвез на своем вороном коне до самих ступеней здания под оживленные возгласы собравшихся детей и их родителей. А школа-то была всего в каких-то там нескольких сот метров от нашего дома!

Мама была со мной все время где-то до шести лет. Потом ее подолгу не было дома и я оставался с бабушкой Надей, маминой мамой, а мама уезжала за сотни километров куда глаза глядели в поисках продуктов питания, которые выменивала на свои скромные домашние вещи, чтобы прокормить нас и благодаря чему выжили. А когда приезжала с несколькими горсточками кукурузы или кусочками макухи от выжимки семян подсолнуха, вся исхудавшая, долго рассказывала бабушке о своих рискованных приключениях и тихо плакала. И, тем не менее, я всегда был чисто одет в сшитые ею коротенькие штанишки из конопляной ткани, такую же рубашку, все выглаженное, опрятное. Иногда мама брала меня с собой в сельский клуб и гордо держала меня за ручку, как со взрослым, и говорила, что это ее кавалер. А «кавалер»

этот был совсем маленький, не по годам, так как недоедание и нищета не способствовали росту.

И даже когда я поступил учиться музыке в Кишинев, я был самым маленьким среди своих сверстников. Отцу досталось радости от меня мало, потому что пошла война и он погиб почти в конце этой страшной войны. На чужбине. В Венгрии. Конечно, доставались моим родителям не только радости. Я любил что-то «мастерить», пикивать на «скрипочке» из кукурузных стеблей, стучать по сиденью венского стула, который надевал на шею и вместе со своими соседями под его звуки маршировать в ритме марша, пока не выбивал днище от этого стула, поджечь солому во дворе дома или забраться вместе мальчишками в соседский сад за яблоками или вишнями. Правда, родители никогда меня не наказывали физически, что случалось с другими мальчишками. Отец даже пальцем меня не тронул, как говорят. Мама же только прикладывала указательный палец к своей щеке и говорила: «Как тебе не стыдно, ай-ай-ай!». Не знаю я, было ли мне стыдно, но точно помню, что мне было жаль маму. Особенно когда она говорила: «А что скажут люди?!». Вот это «что скажут люди» осталась в моем сознании на всю жизнь. Я очень дорожу мнением людей обо мне, стараюсь это мнение удержать положительным и эту положительную энергию, чем могу, передавать им.

Николай Тимохин:

На протяжении всей своей творческой деятельности Вы пишете музыку в самых различных жанрах и стилях. Кроме того, Вы написали музыку в общей сложности более чем к 200 фильмам. Что Вам более всего дорого и интересно из всех жанров и почему?

Евгений Дмитриевич Дога:

Я думаю, что не жанры определяют любовь или нелюбовь к музыке, ее качество, в конечном итоге. Собственно, как и количество аккордов или супер-изошренные технологические приемы в ней. Я испробовал почти все существующие жанры в музыке, как Вы уже упоминали, и в каждом находил что-то интересное, что давало не только хорошие результаты, но и расширяло палитру моих возможностей. Временами эти различные жанры переплетались настолько, что бывало трудно их разделить. Да и вряд ли нужно раскладывать творчество по полочкам. Это делают в аптеках.

Продукт подлинного творчества уникален. Конечно, во многом я обязан работе в кино. Там надо обладать знаниями всех жанров. Это я почувствовал уже при работе над музыкой к первому фильму «Нужен привратник» на «Молдова фильм». Там мне пришлось писать музыку в классическом жанре, эстрадную, церковную, хоровую, использовать фольклор, классику... И в то же время надо было соблюсти единый творческий почерк, не уподобляться «лоскутному одеялу». Странно мне приходится общаться с некоторыми «композиторами», которые интересуются тем, как писать музыку к фильмам. Более чем странно, потому что к фильмам, к спектаклям или к чему угодно нужно писать не только талантливо, что дается от природы, но и со знанием композиции, обладать огромным потенциалом информации по музыке, и не только, которую можно приобрести только обучаясь в консерватории. И то, это не гарантия. Надо еще и самому себя испытывать и укреплять профессиональные «тыль».

Или спрашивают, где обучают писать для кино? Телевидение представило нашу очень не простую профессию в таком виде, что кажется забавой это занятие. Пришло в голову», «написал», не зная даже нот, и абсолютно далекий от творчества продюсер берет такого поделщика в качестве «композитора» и получаем то, что довольно часто приходится слышать в современном кино. Особенно в сериалах. Это и дешевле обходится продюсеру, это нравится, как утверждает он, массам, да и хлопот меньше. Иногда уже и музыкальным дизайном не назовешь, а просто включают шумовой ге-

нератор и на протяжении целой длинной сцены он зудит. Этот грех часто присутствует на телевидении в информационных передачах, что мешает воспринимать информацию. Не говоря уже о возбужденном нервном состоянии.

В жанре песни «Мой белый город» был удостоен звания лауреата в свое время, в жанре симфонической музыки — балет *Lucafarul* получил Государственную премию СССР, музыка к фильму «Мария Мирабела» — международную премию, как и множество других моих работ в самых различных жанрах. Качество и эмоциональная сила музыки зависит от той энергетической массы, которую вкладывает в нее ее автор, композитор. И не «три аккорда», как говорят некоторые критики, определяют силу воздействия того или иного на слушателя. Скорее всего, это та энергия, которая была заложена природой и с которой творец научился профессионально управлять. Интуиция, или «вдохновение», как многие говорят, лишь повод для творчества, который можно использовать сполна лишь высокому профессионалу.

Николай Тимохин:

В 1970 году Вы начинаете творческое сотрудничество с кинорежиссером Э. Лотяну с работы над фильмом «Лаутарь». Расскажите об этом режиссере и о Ваших с ним отношениях.

Евгений Дмитриевич Дога:

Эмиль Лотяну является «отцом» многих ныне известных артистов. Это был удивительно одаренный человек. Начинал он свой творческий путь с поэзии. У него прекрасные стихи, издано множество поэтических сборников. Я вспоминаю его стихийные собрания на улицах Кишинева, где он с огромным запалом читал свои стихи, размышлял о творчестве, наставлял начинающих молодых поэтов. Хотя и сам-то был их ровесником. Он вошел в интеллектуальный мир мгновенно, ярко и мощно. Придя из Бухареста, где он жил с семьей, поразил мгновенно широтой своих знаний, особенно в области языка, манерой подачи, тематикой своих сочинений, широкой жестиком, интонацией голоса. Да и обликом своим, необычным для Кишинева 50-х. Но через какое-то время после обучения во ВГИК-е, где он получил профессию кинорежиссера, Лотяну возвращается в Кишинев и очень успешно работает в области документального кино, которое временами и не назовешь документальным, на столько это неординарно и интересно было сделано. Его поэтический дар перешел и в кино.

Кадры из его документальных фильмов, особенно картина «Красные поляны», сотканы из поэтических образов. Я все время наблюдал за его работами и мысленно завидовал возможности работать с таким режиссером. Особенно, когда он стал снимать художественные фильмы. Правда, темы, на мой взгляд, были для меня не очень привлекательны. И вот лишь в конце 1970-го года Эмиль сообщил мне, что приступает к новой работе и предлагает писать музыку к ней. Это был проект фильма «Лаутарь». Я, конечно, с радостью воспринял это предложение и началась работа. Я впервые окупился в огромный мир народного творчества: музыка, исполнители, костюмы, танцы, различные регионы и различные исторические эпохи. В общем, целая академия. Вместе собирали материал, народных музыкантов-самородков, профессиональных исполнителей, больших знатоков народной музыки, инструменты, относящиеся к эпохе событий в фильме, профессиональные академические оркестры. Случалось, что приходилось делать заново некоторые классические партитуры, которые считались утерянными. Временами трудно уследить, где начинается фольклор и где продолжение авторской академической музыки. Для записи в Москве мы брали с собой исполнителей на народных инструментах вместе с цимбалами, наем, народной скрипкой, присоединяя к ним академический смешанный хор и симфонический оркестр. Это придало музыке особый колорит и особую притягательность.

Почти все игровые кадры в фильме сняты под записанную заранее музыку. Это придало большую органику и достоверность снятым эпизодам, а фильму дополнительную энергетическую силу. Работа шла очень напряженно не только из-за сложности сюжета картины, но и из-за особого характера режиссера, который ничего особенного не требовал: он хотел максимальной отдачи своей творческой энергии от каждого актера, художника, осветителя, декоратора, от всех, кто мало-мальски причастен был к съемкам. Особенно напряженные отношения у Эмиля Лотяну складывались с руководством студии и комитета по кинематографии, которые измеряли качество будущей картины не по ее художественным качествам, а по деньгам. Этим своим творческим параметрам Эмиль Лотяну остался верен всю жизнь, что вызвало много недовольства и нареканий со стороны руководства, да и его коллег по ремеслу. В конце концов он вынужден был почти 20 лет простаивать и не снимать. Его шедевры, картины «ЛАУТАРЫ», «ТАБОР УХОДИТ В НЕБО», «МОЙ ЛАСКОВЫЙ И НЕЖНЫЙ ЗВЕРЬ», «АННА ПАВЛОВА» — были сняты за шесть лет, а за последние двадцать лет — ни одной! С его уходом не стало великого романтика кино, большого моего творческого друга, который унес с собой в другой мир массу неосуществленных сценариев, фильмов, спектаклей, вдохновенной поэзии, неистраченную данную природой творческую энергию.

Николай Тимохин:

Как известно, всемирную популярность получил Ваш романтический вальс из мелодрамы «Мой ласковый и нежный зверь», поставленной в 1978 году Э. Лотяну по мотивам повести А. П. Чехова «Драма на охоте». Это произведение называют самым известным в мире киновальсом. Расскажите о работе над ним. Считаете ли Вы его лучшим в Вашем творческом багаже?

Евгений Дмитриевич Дога:

Приступил я к работе не сразу. После огромного успеха и большого резонанса фильма «Табор уходит в небо» на студии «Мосфильм» упорно сопротивлялись над утверждением моей кандидатуры в качестве композитора будущей картины «Мой ласковый и нежный зверь». Да, говорили в редакции студии, особенно в парторганизации, «Табор...» — это картина о цыганах, а молдаване, что цыгане, там ему было просто писать, а это ведь ЧЕХОВ! Русская классика! И лишь благодаря настойчивости Эмиля Лотяну, которую он всегда проявлял в защиту своих кандидатур, меня, наконец, утвердили.

В начале 1976 года мы с Эмилем детально обсуждали сценарий и роль музыки в будущей картине. И первую сцену, которую предстояло снимать надо было снимать под музыку. Я предложил Эмилю подыскать чего-нибудь относящееся к эпохе действия в картине в фонотеке радио. Стал интересоваться у своих друзей на радио. Ничего не предложили. Пошел в музей им. М. Глинки. Там-то же ничего не нашел. У меломанов спрашивал — и то же безрезультатно. Тогда я предложил Лотяну написать ВАЛЬС. Он легко согласился и на этом расстались. Почти на полгода. В начале лета после полуночи в мой гостиничный номер врывается Лотяну и уже с порога громко, требовательно и претенциозно произносит: Вальс! Я быстро спрятал то, что было у меня на пульте фортепиано и в растерянности стал соображать, о чем идет речь. Я даже забыл об обещанном Вальсе. А Эмиль почти прижал меня к фортепиано и ждал исполнения нужного ему Вальса. Я стал что-то тренькать, то одно, то другое, что, в конечном счете, привело в ярость режиссера и он сообщает, что на завтра заказана смена записи с оркестром, хором и послезавтра предстоит первая съемка будущей картины. Я в ужасе сыграл буквально три-четыре ноты, подобранные на маленьком клочке нотной бумаги, когда-то записанные мной, от чего Лотяну загорелся, оживился и не отстал от меня пока я не симпровизировал ВАЛЬС до конца. Режиссер, не

говоря ничего, вышел шумно из комнаты и лишь напомнил, что утром партитуру надо сдать в оркестр для переписки к вечерней записи.

Для раздумий времени не оставалось. Партитура получилась очень скромная, без громких медных инструментов, без большого давления ударных, почти камерная. Ноты были сданы вовремя, а вечером, когда оркестр сыграл музыку, стал стучать смычками по попитрам в знак одобрения. В начале, я думал, что это розыгрыш, но редактор фильма и многие участники съемочной группы, которые присутствовали при записи, стали говорить очень похвальные слова в адрес этой музыки, даже о ее, якобы, большом будущем.

И действительно, вспоминаю длинную очередь у музыкального магазина на Садовом Кольце в Москве за виниловыми пластинками с музыкой из фильма «Мой ласковый и нежный зверь», где звучала эта музыка сцены свадьбы юной Оленьки Скворцовой и старого барина Урбенина.

Этой музыке, как и многим людям, привалило счастье и уже редко какая-нибудь свадьба обходится без этого вальса, будь-то в России или далеко за ее пределами. Она звучит и на школьных праздниках, и на спортивных аренах, да и просто где-нибудь в подземном переходе. Как-то спросили одного такого музыканта, почему он играет эту музыку, а тот сказал, что за нее больше платят.

Николай Тимохин:

Начиная с 1972 года, Вы выступали с концертами и творческими вечерами во многих городах бывшего СССР, а также в Польше, Чехии, Болгарии, Китае, Никарагуа, Кубе, Таиланде, Румынии, Сербии, Швейцарии, Португалии, Аргентине. Как Вас встречали за рубежом? Какая поездка из всех Вам, может быть, особенно запомнилась и почему?

Евгений Дмитриевич Дога:

Больше всего мне запомнилась поездка на тракторе в один небольшой хуторок из пяти домиков в заболоченной тайге. Была глубокая осень, дожди, непроходимые болота. Мои коллеги из группы композиторов остались в областном центре, а я решил со своими исполнителями поехать «в глубинку». Мне, говорили, что туда и птицы не залетают, не то чтобы поехать. Тогда я попросил трактор, прицеп и пианино. Все погрузили, певицы устроились с трактористом в кабине, а я с баритоном в кузове рядом с инструментом. Целый день мы ковьяляли по, казалось, непроходимым так называемым дорогам и, наконец, оказались в руках каких-то мужиков в резиновых, выше колен, сапогах, которые нас занесли в хорошо натопленную избу. А там, на лавках вдоль деревянных стен, уже сидели и ждали нас неполный десяток местных обитателей этого хуторка. «Как в Кремле,— говорю я своим артистам.— Быть при полном параде, в концертных костюмах».

Люди затаенно слушали, а когда программа закончилась, ко мне подошла с натруженными мозолистыми руками женщина, опустилась на колени, целовала мои руки и причитала: «Я всю жизнь прожила в труде и даже не предполагала, что такое есть».

Я выступал в лучших концертных залах России и за ее рубежами. Мало помню детали, тем более лица слушателей, а вот эти девять человек на лавочках вдоль стен таежной избушки, как будто вижу до сих пор. За рубежом принимают не столько меня, сколько мою музыку. Я лишь ее приложение. Принимают очень хорошо. Уже стало нормой, что зал встает и аплодирует. Так было и в ШОН БРЮНЕ в Вене, и в зале консерватории в Брюсселе, и в Анкаре в Турции или в Клуже, или Бухаресте в Румынии. Ну а в Кремлевском концертном зале уже и не говорю. Это уже свои, тоже стоя аплодируют. Думаю, что публика везде умеет чувствовать хорошую и плохую музыку. Я рад, что эта публика еще не разочаровалась в ней, поэтому я стараюсь как можно уважительнее относиться к своим почитателям.

Николай Тимохин:

Вы написали много полубившихся песен, которые исполняли известные певцы советского времени. Но я до сих пор помню мною любимую песню «Мой белый город» в исполнении С. Ротару. А какому городу посвящена эта песня? И какой город у Вас самый любимый?

Евгений Дмитриевич Дога:

Эта песня была написана по настоянию ЦК Партии Молдавии. Снимался фильм о Кишиневе. На сдаче фильма присутствовал, как всегда в то время, и представитель партии. Вот тогда и была подсказана мысль, чтобы не только музыка сопровождала фильм, но была бы и песня об этом городе, столице Кишиневе. Хотя слова в сценарии были напечатаны, я песню не написал, а написал много другой сопровождающей фильм музыки. И все-таки администрация ТЕЛЕРАДИО настояла и обязала меня такую песню написать. Я, чтобы оправдаться, стал ссылаться на плохие стихи, на которые писать музыку невозможно. К тому же, я должен был улететь в Москву для записи музыки к очередному фильму.

Ан нет, режиссер Г. Водэ узнал о моем внезапном отъезде и на утро, когда я еще спал, ткнул мне под нос машинописным листом с новыми стихами. Я в полусне повернулся к пианино, которое было рядом с моей кроватью, и стал играть песню по этим стихам, как будто я ее всю жизнь играл. Малость даже испугался, не прихватил ли я чего-то чужое. Сидящие за мной режиссер и либреттист запрыгали от радости, думаю, что не столько из-за песни, сколько из-за того, что им не придется получать санкции от руководства студии.

А когда песня была готова, настала проблема исполнителя. Тому же Г. Водэ вспомнилась девушка из Черновиц, которая прекрасно поет румынские романсы. Мы с трудом ее нашли, еще труднее убедили спеть, и записали. Помню, как поздно вечером мы пришли после записи ко мне домой и София Ротару, тогда еще так звучала ее фамилия, сидя на кушетке, плакала от нахлынувших ее эмоций. А дальше пошли ТВ передачи, радио, печать, международный конкурс «Золотой Орфей» в Болгарии, и благодаря прекрасному сочетанию мелодии и великолепного голоса никому не известной певицы, песня пришла к сердцу миллионам слушателей в то время. Да и сегодня она является гимном Кишинева, хотя слова «Кишинев» в ней нет и не могло быть по моему сопротивлению от нажима ЦК.

Это белый город, который есть в памяти каждого из нас, где бы он не находился и в каком городе не родился. Это город-мечта. Белый, как белая птица. Поэтому его воспринимают все, как песня об их городе, песня для них.

А городами, любимыми для меня, становятся те, в которых я нахожу себя, в которых живут близкие мне люди, в которых звучит моя музыка или в которых я работаю.

Николай Тимохин:

Кроме того, что Вы автор произведений для детей, Вы также писали музыку для открытия и церемонии закрытия Олимпиады 1980 года в Москве, церемонии открытия Олимпиады 2014 года в Сочи. А как Вы относитесь к спорту вообще? Есть ли любимые виды? Любите ли Вы футбол?

Евгений Дмитриевич Дога:

В свое время, будучи студентом, я увлекался пулевой стрельбой. Готовили меня даже в мастера спорта. Но музыка поглотила мои занятия стрельбой. Потом долгое время я ездил на мотоцикле, мотороллере, на машине. Терпеть не мог, когда передо мной был какой-нибудь автомобиль. Я обязательно его обгонял. Однажды я опаздывал на встречу в Тирасполь, что в 70 км. от Кишинева. Милиция так и не догнала меня за превышение скорости. Не знаю, насколько это можно назвать спортом, но это пружинило мою волю, характер своего рода.

Заниматься однообразными упражнениями каждый день мне не нравится. Мне хочется каждый раз чего-то нового. Любил ходить на стадион, что был рядом с нашим общежитием, смотреть тренировки футболистов или даже на их матчи. Но это тоже скоро мне надоело. Хотя элементарные физические упражнения я стараюсь делать по утрам. Особенно в первый период после посещения врачей. Я рад тому, что с моей музыкой связана карьера многих спортсменов во всем мире. И те две Олимпиады, которые проводились в России, открывались и закрывались под мою музыку.

Я уже более 20-ти лет являюсь председателем жюри музыкального конкурса «Одаренные дети России», более 10-ти лет — движения «Ветераны войн и труда и их потомки в Москве», участвовал во многих творческих состязаниях в России и за ее рубежами в качестве председателя или простого члена творческого жюри в музыкальных и кинематографических конкурсах и фестивалях. Это дает мне возможность знакомиться с современной эстрадой, быть свидетелем обретения радости старыми ветеранами и их потомками, внуками при выходе на сцену. Это придает им силу и новую энергию, продлевает им активную жизнь, а юным их внукам радость творчества и приобретения собственного достоинства.

Я всю жизнь выступаю с концертами. Особенно мне нравятся концерты на открытом воздухе, куда приходят все, которые желают, а не те которые могут. Их собираются тысячами, и ты их частица. Это великое счастье. В дальнейшем у меня еще много не охваченных точек, которые я должен посетить с концертами, с творческими встречами. Это, в основном, другие открывающиеся для меня континенты. Конечно, я уношу туда свою музыку, частицу себя, частицу своей Родины, куда я всегда с радостью возвращаюсь и по которой каждый раз скучаю. Ведь она меня породила, и чему я ей благодарен и бесконечно обязан. Как перед матерью.

Николай Тимохин:

Евгений Дмитриевич! Спасибо Вам за интересное интервью. Удачи Вам и новых творческих побед!

Семипалатинск — Москва — Брюссель, осень, 2018

